

Сто юаней ежедневной прибыли. На первый взгляд сумма казалась не такой уж внушительной — особенно по сравнению с тем разом, когда за заколки Шэнь Юй выручил почти две тысячи юаней одним махом.

Однако, если вдуматься, те товары были результатом двадцати дней изнурительного труда, а средний заработок в день выходил даже меньше сотни. К тому же тогда юноше приходилось совмещать учёбу с ночными сменами за швейной машинкой. Теперь же он платил три юаня за подённую работу, и все хлопоты ложились на чужие плечи. Куда ни глянь — сплошная выгода.

На следующий день Шэнь Юй, как обычно, отправился торговать малатаном в сопровождении Да Луна. Стоило им добраться до места, как к ним тут же подлетел владелец лавки Чжан Дафу. Он вёл за собой жену, на ходу виновато оправдываясь:

— Да не сорил я деньгами, честное слово! Просто купил кое-что вкусное. Вот сама попробуй и всё поймёшь.

Едва взглянув на вывеску, хозяйка ахнула точно так же, как её муж вчера:

— Как дорого!

Владелец лотка не успел и рта открыть, как Чжан Дафу с небывалым энтузиазмом принялся разъяснять ценообразование, слово в слово повторяя вчерашние доводы юноши. Закончил он веским выводом:

— Но это безумно вкусно!

Хозяйка лишь окинула его красноречивым взглядом.

«Ты вообще на чьей стороне?»

— Не веришь — попробуй сама, — Чжан Дафу уже привычно кивнул Шэнь Юю: — Дай моей жене шпажку с редькой.

Брови женщины взлетели вверх, а в душе вскипело негодование.

«Ах ты, скупердяй! Сам вчера на несколько юаней наелся, а мне покупаешь редьку за десять фэней?»

С мрачным видом она приняла шпажку и откусила кусочек. Сочная редька, обжигающая и

свежая, оказалась настолько вкусной, что женщина даже не подумала выплюнуть её, хотя та едва не ошпарила ей язык.

— Хе-хе, я же говорил — объединение! — торжествующе провозгласил Чжан Дафу, глядя, как жена, смешно раздувая щёки, уплетает угощение.

— Не ты же это готовил, чего раздулся как индюк? — фыркнула она и тут же обратилась к владельцу: — Маленький хозяин, дай-ка ещё несколько штук.

— С удовольствием! Выбирайте сами, что вам по душе.

Женщина легонько толкнула мужа локтем:

— Лао Чжан, что тут самое лучшее?

— Да всё бери, я вчера всё перепробовал!

— Тогда дай мне по одной каждого вида, — распорядилась она.

— И мне тоже по второму кругу! — вставил Чжан Дафу.

— А вот тебе — фигурки, — отрезала жена. — Ты вчера своё съел, сегодня моя очередь.

Лао Чжан с тоской наблюдал, как супруга расправляется с миской шпажек, а затем заказывает ещё и фунчозу.

— Юшки добавь побольше, — вполголоса шепнул он парню.

Шэнь Юй, посмеиваясь, плеснул в миску лишний черпак горячего бульона. Когда хозяйка закончила, Чжан Дафу подобострастно спросил:

— Наелась? Давай миску сюда.

Та лишь холодно усмехнулась:

— Чжан Дафу, учти: на сегодня твои расходы на еду ограничены двумя мао.

— Знаю, знаю, — он подхватил миску и припустил к лапшичной: — Лао Ван, живо, свари мне лапши на две мао!

Хозяйка лишь молча покачала головой.

Владелец Ван, быстро управившись с заказом, подошёл к тележке:

— Маленький хозяин, отложи-ка мне к вечеру несколько шпажек. Хочу жене и детям на пробу принести.

В это время жена Чжан Дафу уже неслась к мужу, который вовсю сёрбал лапшу. Глядя на соседа Вана, который даже о вкусах думал прежде всего в контексте семьи, она окончательно убедилась: её супруг — безнадёжный случай.

— Без проблем, выбирайте сейчас, я отложу. Как соберётесь домой — сварю, — пообещал Шэнь Юй.

Владелец Ван отобрал шпажки, а юноша аккуратно перевязал их резинкой, чтобы не перепутать с общим товаром.

Благодаря вчерашнему успеху, сегодня торговля пошла ещё бойчее. Многие приходили по рекомендации коллег: даже те, кто не мог позволить себе пиршество, покупали одну-две шпажки «на зубок». А молодёжь с деньгами в кармане заказывала сразу на пару юаней, просила побольше бульона и отправлялась в лапшичную варить там макароны. И вкусно, и сытно.

Кто-то и вовсе приносил из дома котелки с рисом или маньтоу. Шэнь Юй наливал туда юшку, укладывал сверху шпажки — и получался полноценный обед. Глядя на них, другие быстро перенимали опыт. Несмотря на то что заготовок было больше, юноша распродался примерно в то же время, что и вчера.

Лишние несколько сотен шпажек принесли дополнительные десятки юаней чистой прибыли. Шэнь Юй с чувством глубокого удовлетворения запер выручку в свой заветный ящичек.

С этого момента бизнес юноши вошёл в колею. Он не стремился к гигантским объёмам, ограничиваясь полутора тысячами шпажек в день — плюс-минус, в зависимости от того, сколько успевали приготовить помощники. Товар разлетался мгновенно. Поскольку малатан не считался основным блюдом, он не конкурировал напрямую с другими заведениями, и местные торговцы перестали видеть в парне врага.

Напротив, его тележка даже стимулировала торговлю у соседей, особенно в лапшичной. В итоге Шэнь Юй окончательно отказался от мысли продавать лапшу сам. Лишние хлопоты, не такая уж большая прибавка к прибыли, зато риск испортить отношения с коллегами — велик. Не стоит забирать себе всю выгоду до последней капли.

Постепенно весть о необычном лотке разнеслась далеко за пределы завода. Рабочие с других

предприятий прознали, что у ворот Машиностроительного завода продают диковинное лакомство под названием «малатан». Дорого, но пальчики оближешь.

Любопытствующие потянулись со всех сторон, и каждый, кто пробовал, оставался в восторге. Любители острого оценили жгучий, согревающий вкус — самое то в лютый мороз. Для тех же, кто не выносил перца, был прозрачный бульон: на вид простой, но вкус имел необычайно глубокий. Многие пытались выпытать рецепт наваря.

Парень лишь загадочно улыбался:

— Секрет прост — костный бульон.

А о том, что он добавлял туда ещё, тактично умалчивал.

Расспрашивающие лишь разочарованно вздыхали:

— У меня дома бульон получается совсем не таким...

— Может, я просто варю его долго, — отшучивался Шэнь Юй.

Секрет оставался при нём, а покупатели продолжали приходить. Дети, попробовав малатан один раз с родителями, теперь буквально бредили им. Они кланчили у домашних заветные монетки и, радостно сжимая в кулачках одну-две мао, бежали за любимыми шпажками или порцией фунчозы на двоих.

С ростом популярности начали случаться и встречи со старыми знакомыми. Бывшие соседи по жилому комплексу, завидев юношу за прилавком, диву давались. Они донимали его расспросами: как он жил всё это время, откуда взялось умение готовить и где он раздобыл денег на бизнес.

Нашлись и такие беспардонные личности, которые рассчитывали на угощение за счёт заведения или требовали «соседскую скидку». Тем, кто в прошлом был добр к нему и помогал делом, Шэнь Юй и сам был рад предложить тарелку горячего супа.

Но по-настоящему хорошие люди никогда бы не попросили о таком — они знали, что парень ушёл из дома без гроша в кармане, и понимали, как нелегко ему даётся каждый юань. Рот разевали только те, кто и раньше любил поживиться за чужой счёт, а в трудную минуту не гнушался подтолкнуть падающего.

Шэнь Юй помнил одну такую соседку: однажды он набрал ведро воды и на секунду отошёл, а эта бесстыдница, поленившись качать сама, просто вылила его воду в свой бак. Когда он попытался возмутиться, она лишь ядовито обозвала его жадным сопляком: мол, «подумаешь, ведро воды, ещё накачаешь». С детьми из других семей она так поступать не смела — боялась,

что родители придут и голову открутят.

Она явно привыкла, что за сироту заступиться некому, и теперь, как ни в чём не бывало, требовала бесплатный обед. На таких юноша даже взгляда не тратил. Тем же, кто спрашивал вежливо, он отвечал скупой и выборочно.

Про жизнь он рассказывал старую легенду: мол, написал в деревню отцу, и тот наскрёб немного денег, прислал. А секрет малатана якобы достался ему в благодарность от одного старика, которому он помог подняться после падения. В будущем в такую сказку не поверил бы и дурак, но сейчас люди понимающе кивали: «Всё верно, за добрые дела положено вознаграждение».

Откуда взял капитал? Занял!

— Вы не смотрите, что цена высокая, — объяснял он. — Себестоимость-то огромная: мясо, масло, кости, специи, уголь, продукты, даже эти бамбуковые палочки — всё денег стоит. Зарабатываю крохи, едва хватает долги отдавать!

Да Лун? Нет, он не наёмный рабочий.

— Какое там нанимать... Это сын кредитора, отец его прислал приглядывать, чтобы я не сбежал с деньгами.

Да Лун лишь молча кивал на каждое слово юноши.

«Моя мать явно не в курсе, когда это она успела одолжить тебе целое состояние»

Сам же помощник не смел возразить — мать строго наказала: «Слушайся Сяо Юя, делай что велит и поменьше болтай. Больше слушай, больше примечай».

Соседи, выслушав Шэнь Юя, верили ему если не во всём, то в главном. А как иначе? Все видели, как его выставили из дома Сяо с пустыми руками. Если не родня помогла и не долги, то откуда средства? И хотя ремесло уличного торговца считалось делом не самым почтенным, для одинокого парня это был отличный шанс закрепиться в жизни.

Особо охочие до сплетен соседи даже специально приходили рассказать новости из дома семьи Сяо. Юноша не мешал им, но и сам не выспрашивал. «Хотите — говорите, а я буду заниматься своим делом».

Так он и узнал, что в семье нынче не до скуки. Старик Сяо повредил ногу и застрял дома, а у детей начались каникулы. Когда в тесной квартире собирается столько народу, скандалы вспыхивают из-за любого пустяка.

Что поделаться: трое детей, да ещё и от разных матерей — требовать от них единодушия было бы наивно. Раньше у них был Шэнь Юй, служивший общим громоотводом, но стоило ему исчезнуть, как внутренние противоречия взорвались с новой силой.

Сяо Цзясинь презирала Лян Фэнся и недолюбливала Сяо Цзяяо. У обоих был скверный характер: властный и жадный, они тащили всё под себя, не желая делиться ни крошкой. К тому же Цзяяо был младшим внуком и любимцем — Старуха Сяо частенько совала ему вкусняшки втихаря.

Раньше Цзясинь пропадала в школе и ничего не замечала, но теперь, сидя дома целыми днями, разве могла она пропустить такое? Сяо Цзясинь, унаследовавшая нрав своей бабки-задиры, не собиралась терпеть подобную несправедливость. Ей было плевать, что брату всего семь лет — в драке она не знала жалости, пока оба не остались с разодранными волосами и в слезах.

Вернувшись со смены, Лян Фэнся увидела царапины на лице любимчика Цзяяо и в ярости набросилась на падчерицу. Но та и сама чувствовала себя обиженной: малец хоть и мал, да удал, силы у него хоть отбавляй, и в драке он не скупился на тумачи. Цзясинь досталось по рёбрам, а из головы вырвали целый клочок волос.

Брат Сяо Цзяхуэй, разумеется, встал на сторону сестры, а мать считала, что обидели её младшего. Старуха Сяо и Старик Сяо метались между ними, не зная, чью сторону принять. Это вам не на Шэнь Юя орать — тут каждый свой, каждый дорог, сердце разрывается.

Обиженная Лян Фэнся начала жаловаться соседкам, какая Цзясинь дрянь — мол, взрослая девка, а семилетнего брата колотит. Эти слова дошли до Старухи Сяо, и та вместе с мужем пришла к выводу: сор из избы выносить нельзя. Невестка, как типичная мачеха, нарочно порочит имя падчерицы. Очередной раунд скандала не заставил себя ждать.

Так и жил теперь дом Сяо: то крики, то драки, то взаимные проклятия. Старик Сяо когда-то называл Шэнь Юя «злосчастной звездой», из-за которой в доме нет покоя, но стоило парню уйти, как стало ещё «веселее». Соседи каждый день наблюдали бесплатный спектакль, пока он им окончательно не примелькался.

Шэнь Юй лишь диву давался, слушая эти рассказы. Как же вовремя он сбежал! Это был не дом, а настоящая зловонная тряпина.

Соседи, выговорившись, покупали порцию малатана и признавали: вкус отменный. С таким талантом парень не пропадёт. Сравнивая его нынешнюю жизнь с прошлым, они невольно сочувствовали: в доме Сяо его действительно притесняли. Посмотрите сами — стоило съехать, как и в учёбе подтянулся, и делом занялся, и сам себя кормит.

Конечно, пара-тройка злопыхателей, которым не удалось пожить за счёт Шэнь Юя, всё же пытались уколоть его:

— На лотке много не зарабатываешь... Индивидуальный предприниматель, ха!

В этом «ха» сквозило всё презрение к частнику, причём на недовольные взгляды других торговцев они внимания не обращали.

— А ведь если бы остался, Старик Сяо мог бы и работу тебе по наследству передать, — подначивали они.

Юноша окинул недоброжелателя насмешливым взглядом:

— Не стоит. Моя фамилия не Сяо, я не имею права претендовать на их место. Мне и за лотком неплохо — на жизнь хватает, и ладно.

Сосед лишь закатил глаза.

«Права была твоя мать — никчёмный ты малый. От верного куска хлеба отказался, предпочёл опуститься до уровня торгаша. Смотри, как бы за решётку не угодил в один прекрасный день»

Проводив соседей с их сомнительными советами, Шэнь Юй внутренне приготовился к визиту Лян Фэнся. Зная её натуру, он не сомневался: узнав о его доходах, она не успокоится. Он всегда держал при себе ту копию соглашения, написанного в полиции. Если она начнёт скандалить, он просто приклеит эту бумагу рядом с ценником — пусть все читают.

Шэнь Юй не ошибся. Мать явилась не одна, а в сопровождении Старухи Сяо — видимо, рассчитывала на авторитет и скандальность свекрови.

Едва завидев парочку, юноша выхватил документ и громко начал читать:

— «Стороны обязуются более не вступать в контакт, а в случае нарушения условий...»

Лян Фэнся вздрогнула:

— Заткнись!

Старуха Сяо, словно безумная, попыталась броситься на Шэнь Юя:

— Ты смеешь проклинать моего внука!

Да Лун легко преградил ей путь.

Парень холодно усмехнулся:

— Это соглашение было составлено в отделении полиции. Если вы забыли условия, я могу вывесить его здесь, чтобы вы освежили память. Заодно и почтенная публика ознакомится.

Покупатели с любопытством наблюдали за сценой. Маленький хозяин был и собой хорош, и нравом кроток — всегда с улыбкой, каждому пойдёт навстречу. Бывали и привередливые клиенты, и те, кто требовал лишнюю ложку юшки, — Шэнь Юй лишь добродушно посмеивался. А тут пришли две женщины и вмиг стёрли улыбку с его лица.

Лян Фэнся то бледнела, то краснела. Она слышала, что Шэнь Юй торгует каким-то «малатаном» по баснословным ценам — лист капусты за десять фэней! Ясно же, что деньги гребёт лопатой. Она рассудила просто: как-никак она его родная мать, разве она с ним не сладит? Хотела прийти, разведать обстановку, а в идеале — забрать бизнес под свой контроль. Разумеется, торговать сама она не собиралась — она ведь почтенная рабочая швейной фабрики. А Шэнь Юю всё равно делать нечего — пусть работает на неё. Она же, как мать, должна наставлять его и следить, чтобы он не тратил заработанное на всякую ерунду.

Она и подумать не могла, что этот паршивец сразу выставит щит из соглашения. Стоило ему раскрыть рот, как у Лян Фэнся зашлось сердце — нельзя допустить, чтобы люди узнали, какими словами она клялась, отрекаясь от сына!

Она придержала Старуху Сяо, уже готовую разразиться проклятиями, и напустила на себя жалобный вид:

— Сяо Юй, я же мать твоя...

Сын лишь презрительно фыркнул:

— Мать? Та самая, что при зарплате в несколько десятков юаней не давала мне наесться даже грубым зерном? Та, что выставила меня за порог в день восемнадцатилетия, не дав даже смены белья? Та, что в полиции заставила подписать обязательство о содержании — по пятьдесят юаней и сто цзиней зерна ежемесячно? Та, что, боясь моего отказа, заставила меня поклясться пресечением рода в случае нарушения договора?

Хотя инициатива по выплатам формально исходила от него, по сути Лян Фэнся действительно припёрла его к стенке.

Толпа вокруг ахнула. У всех были старики-родители, но даже они, рабочие Машиностроительного завода, не платили своим такие баснословные суммы. К тому же заставить сына принести подобную клятву...

Разве может настоящая мать так поступить? Как и спросил Шэнь Юй — кому нужна такая

родительница!

Лян Фэнся пролепетала:

— Не в месяц пятьдесят... в год...

Лучше бы она молчала. Взгляды окружающих стали ещё более презрительными: значит, всё остальное — правда! В год пятьдесят — тоже немало, да ещё и по сто цзиней зерна каждый месяц... Грабительские аппетиты.

Юноша произнёс ледяным тоном:

— Мама, вы сами написали, что не желаете иметь со мной ничего общего. Я условий не нарушал. Неужели вы решили пойти против своего слова? Не забывайте: вы клялись жизнью и будущим своего младшего сына. Неужели вы хотите, чтобы ваш род пресёкся на нём?

— Как земля таких носит... — слышалось в толпе.

— И ведь не постыдилась прийти. Зачем явилась-то?

— Ясно зачем — за деньгами. Ну и стерва.

— Кто знает, где она работает? Надо бы начальству её сообщить о таком поведении.

— Кажется, она со швейной фабрики...

Лян Фэнся запаниковала:

— Нет, это не я! Я не со швейной... я просто мимо проходила!

Забыв о деньгах и притязаниях, она натянула шарф до самых глаз и позорно бежала, скрывая лицо.

Старуха Сяо на миг замерла: невестка скрылась, а Шэнь Юй по-прежнему сжимал в руках проклятую бумагу. Она злобно сверкнула глазами, явно желая подскочить и разорвать её в клочья, но страх потерять ежегодные выплаты пересилил ярость.

Парень невозмутимо добавил:

— Я сделал много копий. Оригинал и свидетельства хранятся в полиции.

Старуха одарила его полным ненависти взглядом и под улюлюканье толпы поспешно ретировалась.

Сдерживаемые этим соглашением, Лян Фэнся и прочие домочадцы Сяо больше не решались донимать его. Возможно, домашние распри поглотили их целиком, и им стало попросту не до Шэнь Юя.

Так или иначе, юноша исправно получал порции новостей из дома Сяо от соседей, заглядывавших за малатаном. Там не утихали крики и ссоры. Если раньше окружающие воспринимали это как развлечение, то теперь соседи за стеной, доведённые до белого каления постоянным шумом, уже сами начали наведываться к Сяо с требованиями вести себя потише.

Оставив проблемы прошлого позади, Шэнь Юй зажил размеренно и спокойно.

По утрам он позволял себе немного поваляться в постели, затем завтракал, читал книги и занимался гимнастикой.

Когда подходило время, являлся Да Лун, и они вместе отправлялись торговать.

Около часа дня, распродав весь товар, они возвращались домой и обедали. Вторая половина дня была посвящена учёбе или спорту. Да Лун в это время перемывал гору посуды и шпажек, а вскоре приходили тётушки, чтобы подготовить заготовки на завтра.

По вечерам Шэнь Юй варил густой костный навар для бульона — делать это каждый день не требовалось, он готовил впрок на несколько смен.

Иногда к нему заглядывала Чэнь Мэйли, обычно после обеда. Они вместе занимались, болтали или делали упражнения, а юноша угощал всех какими-нибудь лакомствами.

Изредка ему приходилось выбираться в город за специями: его рецепт требовал слишком многих ингредиентов, которые невозможно было отыскать в лавках при заводе.

С каждым днём становилось всё холоднее, и Шэнь Юй заметил, что на улицах прибавилось бродяг. Если раньше они вели себя довольно лениво и просили милостыню без особого рвения, то теперь готовы были бежать за прохожим два квартала.

Зимой людей на улицах стало меньше, все спешили по делам, скрываясь от ветра. Доходы попрошаек упали, и голод гнал их на активные действия.

Пару раз преследовали и юношу — он не скупился на продукты, и его тележка, полная снеди, неизменно привлекала внимание. Некоторым было проще откупиться парой монет, чтобы избавиться от назойливого сопровождения.

Но Шэнь Юй был иного мнения. Он не давал ни фэня.

Если бы перед ним был калека или тяжелобольной человек, лишённый возможности заработать на хлеб, он бы помог — и едой, и деньгами. Но эти «просители» бегали за ним быстрее ветра и выглядели вполне крепкими людьми.

Такой человек, даже будь он невеликого ума, мог бы собирать утиль или таскать мешки — честный труд всяко лучше, чем лежать на земле с протянутой рукой в надежде на даровую поживу. Владелец лотка презирал подобное иждивенчество. Каждый раз он налегал на педали, и даже если сердобольные прохожие обзывали его «жестокосердным», он не вёл и бровью. Вскоре бродяги запомнили его старый трёхколёсник и перестали тратить на него силы — всё равно толку ноль.

Оградив себя от лишнего шума, юноша во время очередной поездки в город купил две резиновые грелки. Стало совсем зябко. И хотя у него было новое толстое одеяло, а перед сном он всегда парил ноги в горячей воде, стоило лечь в постель, как ступни мгновенно леденели. Видимо, лишения прошлого сказались на здоровье: кровообращение было никудышным, и никакие одеяла не могли согреть его изнутри.

Он подумывал найти хорошего знатока традиционной медицины, но перспектива пить горькие отвары его совсем не прельщала. В его прошлой жизни, когда не было денег на лекарства, старый врач из переулка иногда давал ему снадобья бесплатно. Это было невыносимо — не просто горько, а смесь всех возможных кислых, острых и вяжущих вкусов сразу.

Одно воспоминание об этом вызывало дрожь. Шэнь Юй решил, что пока попробует обойтись целебной диетой. С грелками дело пошло на лад: одну он клал в ноги, другую обнимал, и тепла хватало почти на всю ночь. Пусть не до самого утра, но и это было огромным облегчением.

В конце января, когда до Нового года оставалось совсем немного, в городе Син повалил густой снег. Дороги стали скользкими, и юноша несколько дней не решался выезжать в город. Но когда запасы масла и специй подошли к концу, пришлось выбрать день, когда метель немного утихла, и отправиться за покупками.

Закутавшись по самые уши, он проезжал мимо старого заброшенного моста. Тени, обитавшие под его сводами, снова выскочили на дорогу, кланча еду и деньги.

Шэнь Юй, не удостоив их ответом, прибавил ходу. Но когда тележка уже миновала мост, он невольно оглянулся.

Там, в глубине каменной ниши, прислонившись к опоре, сидел человек. Сквозь пелену падающего снега невозможно было разобрать ни его лица, ни одежды.